

чушъ
никогда

экзистенциальная ересь

чушь НИКОГДА

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17795955

ISBN 9785447429249

Аннотация

Если бы врагу Бога и врагу рода человеческого, завистнику сатане, которого называют обезьяной Бога, предложили написать книгу, то он написал бы примерно вот такой роман...

Содержание

Книга 1	5
1	5
2	15
3	27
4	37
5	52
Конец ознакомительного фрагмента.	60

НИКОГДА
ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ересь
ЧУШЬ

© чушь, 2016

ISBN 978-5-4474-2924-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книга 1

1

Кафе называлось необычно. «НИКОГДА» – огромными золотыми буквами по черному граниту нашкрябано над потайной дверью, которую одинокий прохожий никогда бы не догадался ни толкнуть, ни потянуть, а, пожав плечами, поспешил бы далее по делам своим скорбным, неказисто присутствуя в этом странном городе всеми своими выпуклостями и отростками. И удаляясь в неизвестном направлении, он нехорошо думал бы о чем-то абстрактном, которое во всем виновато и которое чихать хотело на чьи бы то ни было мнения, и, жируя в своей безнаказанности доныне, оно бы и опосля глумилось над всяким каждым из нас, не случись, как говорится, следующее событие: потайная дверь вдруг сама собой открылась. Прохожий остановился, почесал репу, задним числом, которое, конечно же больше чем ничто и едва ли меньше чем все, понимая, что если это и не приглашение, то во всяком случае позволение войти туда, куда, собственно, ему, существу во всех отношениях обыкновенному, вход заказан самой мерой его обыкновенности. И прохожий сделал шаг, про который принято говорить: маленький для человека, огромный для человечества.

Два дюжих охранника оглянулись, но ничего подозрительного не заметили, закурили и с достоинством стали пускать дым в царящую вокруг атмосферу безнаказанности, из которой то и дело появлялись несогласные личности. И личности эти, кутаясь в человеческие тела, шлепали мимо потайного входа, гранитных пилястр с вычурной капителью, подпирающих величественный антаблемент с каким-то немыслимой красоты фризом и, оказываясь перед массивной из черного дерева дверью, которую открыть усилиями одного человека не представлялось возможным, теряли понимание своей исключительности всего на одно мгновение, но этого оказывалось достаточно: дверь игриво открывалась, и никогда, плотоядно чмокнув, переваривало очередную жертву.

Впрочем, никогда в своей парадной ипостаси выглядело достаточно респектабельно, и жертва, сбрасывая с себя уличные одежды в распрекрасном вестибюле, продолжала считать себя несогласной, но уже сама не помнила с кем или чем, и отразившись в огромном зеркале, которое то ли благодаря чудесной амальгаме, то ли не менее чудесному багету преображала всякую невзрачность в аутентичность, навсегда терялась в недрах вышеназванного никогда. Хотя и «навсегда» здесь тоже было с некой подковыкой, поскольку являлась умозрительной величиной, а значит подчинялось основополагающей идее, которая вертела всяким умом в удобную ей сторону.

Охранники опять посмотрели в сторону потайной двери, бросили окурки в пасть чугунной химеры, которая вместе со своей сестрой создавала необходимый антураж, выполняя при этом вполне утилитарные функции, и с невозмутимым видом исчезли в недрах данного заведения.

А когда-то это была просто невзрачное здание из стекла и бетона на балансе у некоего ведомства, о чем уныло свидетельствовала соответствующая табличка, вахтер и вертушка из нержавейки, которая ни при каких условиях не могла помешать какому-нибудь функционеру пообщаться с каким-нибудь госслужащим по делам обоюдной важности. Впрочем, эта важность оказалась надуманной, потому что скоро вышеназванное ведомство указом некоего должностного лица упразднили, табличку сняли, а само здание отдали городу, который решил срубить бабок по легкому и выставил здание на торги, заломив неслыханную сумму. Дураков, естественно, не нашлось, и город, покумекав, признал это здание аварийным и продал подставным лицам по цене строительного мусора. Лица эти оказались ближайшими родственниками мэра, исполненные самых честолюбивых планов, которым не суждено было сбыться. Во всяком случае, суд признал их намерения преступными, а средства, вложенные в реконструкцию этого здания – народными, а значит народ должен сам решить, что делать с этим новоявленным архитектурным безобразием. И был референдум, и народ решил: нафиг театр, а подавай ему публичный дом,

но власть с оглядкой на вышестоящий политический орган замандражировала и под благовидным предлогом замутила дебаты, которые усилиями матерей-одиночек, сексменьшинств и асексуалов свели волеизлияние народа к очередной политической мастурбации. И народное терпение иссякло, как, впрочем, и его либидо, и по углам, по значным местечкам этого города стали собираться кучки озабоченных граждан, которые в перерывах между распитием спиртосодержащих суррогатов поднимали вопрос полового воздаяния. И власть вынуждена была кинуть народу очередную всемдавалку, и решением городского собрания вышеназванное здание стало пунктом общественного питания.

Конечно, идея была замечательная: позволить разным слоям общества перемешаться в народную массу в обстановке сытости и толерантности, но представители правящей партии и оппозиции в один голос кричали, хватит, мол, экспериментировать с электоратом, пусть он лопаet чего ему на самом деле лопаeтся, а усадить за один стол буржуина и маргинала – значит лишить обоих аппетита и политической самобытности, после чего неизбежны расстройства стула и экономики. А депутат-самовыдвиженец, биоэнерготерапевт и правозащитник г. Ледянкин, игнорируя замечания спикера, доказывал уважаемому собранию, что *«если позволить ентим чего оне хотятъ, то опосля оне и разрешения спрашивать забудутъ»*. Наконец спикеру удалось вырвать из рук распоясавшегося депутата микрофон, и г. Ледянкин

с позором был лишен права голоса и талонов на бесплатное питание в обсуждаемом проекте.

Но г. Ледянкин не смирился, а затаил депутатскую злобу на конформистов и устроил акт гражданского неповиновения, выбрав для этого самый аполитический момент мировой истории, когда сатрапы и вассалы собрались на центральной площади этого города дабы совместными усилиями явить миру это злополучное кафе. И когда представитель городской администрации, закончив окончил доклад о проделанной работе, взял в руки ножницы, собираясь разрезать ленточку, отделяющую группу наиболее уважаемых городских бомжей от показательного поедания трюфелей и прочих гастрономических излишеств, он, г. Ледянкин появился перед собравшимися в самом неподходящем для этого случая виде, а именно совершенно голый. Впрочем, отдельные свидетели указывают, что г. Ледянкин имел на причинном месте полосатый носок, но это ничуть не оправдывает его вызывающее поведение. Воцарилась нехорошая тишина, во время которой г. Ледянкин успел предельно ясно донести до сознания собравшихся свою мысль, которая при всякой прочей форме изложения не имела бы столь оглушительного успеха. Представитель городской администрации выронил ножницы и заплакал от раздирающего его чувства сопричастности и любви, бомжи плакали и клялись посвятить себя делу мира, случайные прохожие прослезились и на всякий случай решили быть человечнее, а то если этот

голый мужик прав, то хана придет всем, кто не воспользовался последней возможностью.

А потом наступила суматоха, во время которой голый нонконформист и погиб. По официальной версии его погубили январские морозы и отсутствие волосяного покрова, но в народе укоренилось мнение, что это дело не обошлось без душегубства. И с тех пор он, народ, в лице прогрессивной молодежи посещает это кафе с явным социальным подтекстом, называя его, памятуя о печальных событиях прошлого века, не иначе как «душегубка», прочий же народ в лице пенсионеров и работников бюджетных организаций «душегубку» просто посещает, потому что цены здесь смешные, как голый самовыдвиженец Ледянкин.

А еще несколько раз в неделю в «душегубке» проходят так называемые вечера отдыха с бесплатной едой и культурной программой. Просто так туда не попасть, нужно особое приглашение, а по какому принципу отбирают гостей – никто не знает. Конечно, счастливицы предпочитают не распространяться, но все же, благодаря желтой прессе, все в городе знают, что по средам в душегубке проходят бои без правил, по четвергам – поэтические чтения, по пятницам – спиритические сеансы, по субботам эротические представления, а еще бывают некие исключительные мероприятия, о которых ходит столько слухов, но нет ни одного убедительного свидетельства, что это не гнусный самопиар.

А еще успеху душегубки немало способствовала хозяйка

кафе. Знали ее в городе исключительно по фамилии, оставшейся от прежних мужей, наивно полагая, что первая была именем, а вторая собственно фамилией. И мало кто догадывался, что по паспорту она была Верой в девичестве Ледянкиной.

Итак, Вера Малюта – Скуратова, она же дочь известного в прошлом правозащитника, разъезжала по городу на черном «хаммере», имела исключительный ум, тяжелый нрав и острый язык, могла постоять за себя в кабацкой драке, и при этом оставалась миловидной женщиной, которую бы с удовольствием взял в жены и прыщавый старшеклассник, и умудренный опытом мужчина. И сейчас она ходит по своим владеньям и раздает последние указания.

– Поэта достали? Я спрашиваю, поэта мне достали?

– Простите, Малюта Андреевна, главврач ждет вашего звонка, говорит, что никому другому ни под каким предлогом не даст своего пациента.

– Так, он буйный? Что про него известно?

– Немного. Процесс был закрытый. Убил несколько человек, но его признали невменяемым, сейчас на транквилизаторах под круглосуточным присмотром.

– Но прочитать-то он сможет по бумажке? Ладно, сама займусь. Так, что у нас с закуской?

– Оттаивает, прислали замороженной.

– ... вашу мать! Это вы у меня замороженные! А ну быстро на кухню и задницами размораживать!

Потом Вера велела передвинуть несколько столиков, потому что сегодня будут важные люди, которых следует оградить от прочих хотя бы погонным метром свободного пространства. Окинув залу царственным взглядом, Вера уединилась в своем кабинете и позвонила главврачу. Тот, долго не брал трубку, но Вера знала наверняка, что он уже целый час гипнотизирует свой телефон, ожидая этого звонка. Потом главврач для проформы стал ломать комедию, гнуть пальцы и строить глазки, но Вера, из самых лучших побуждений по второй линии кое-кому позвонила, сказав в полголоса, что конечно, можно позвать и графомана, но именно сегодня должен быть кто-то из прокурорского состава, который вроде как поэт и будет весьма неучтиво кормить его рифмами, за которыми нет ни капли крови. Ей дали добро, и главврач, получив окольными путями пинок под зад, лишь жалостливо попросил Веру самолично забрать у него пациента. На том и порешили.

А вышеназванный прохожий между тем с немалым интересом обозревает изнанки этого никогда, которые наполнялись дополнительными смыслами и разными существами, которые сновали, ползали, прыгали: перемещались в известном пространстве всеми известными способами. Пару раз какие-то гуманоиды что-то выпрашивали у прохожего, и тот вежливо отвечал на странном хлюпающем языке, другой раз какое-то светящееся существо, вынырнув, как принято говорить, из-под пространства, велеречиво перелива-

лось всеми оттенками фиолетового насчет того, где бы тут справить свои светящиеся надобности, и прохожий так же без всякого акцента семафорил ему семимерные координаты туалета для волновых форм жизни, – словом, прохожий был откровенно в теме.

А если бы потайная дверь никогда не открылась, то прохожий наверняка прошел бы как все мы в никуда, и повернув за черный полированный угол, столкнулся бы лицом к лицу, или, если угодно, морда мордой со всякой нечестью, вылезавшей из стен, с клыками, когтями и всякими уродствами, кои вызывают жуткий восторг у местных тинэйджеров и негодование местных богобоязненных старушек. И довершает эту горельефную композицию весьма схематично оформленная небезызвестная фигура в плаще и с косой, которая должна бы драматургией своего образа заставить задуматься о вечном, но в компании с неким молодым человеком, которого местные искусствоведы считают неудачной стилизацией под всеми любимого пиита, а также поднятым бокалам и раскупоренным бутылкам шампанского, вызывает ничем неискоренимое желание жить. И если бы ничего из вышесказанного не произошло, то прохожий с удивлением бы узнал в этом молодом человеке самого себя.

Потом прохожий непостижимым образом переместился в ту часть никогда, которую принято называть «служебные помещения», и не вызывая подозрений так же постигал смысл происходящего. Вот из ниоткуда появилась челове-

ская женщина, которая отдавала приказания своим человеческим подчиненным, которые бегали за ней следом и всеми известными способами старались ей угодить.

– Поэта достали? Я спрашиваю, поэта мне достали?

– Простите, Малюта Андреевна, главврач ждет вашего звонка...

Прохожий смотрел на эту женщину, которая вся в делах и заботах бегала по трехмерным коридорам и служебным помещениям и улыбался. Он улыбался, потому что вспомнил, что именно так начиналась эта история, которая всегда так начиналась, и всегда так заканчивалась. И в этом не было никакого противоречия, поскольку всякому многомерному существу известно, что в пределах никогда детерминация отсутствует, а присутствует лишь предел актуальной мерности, который так же смешон.

Мама открывает холодильник, достает масло, колбасу, булочку в полиэтиленовом пакетики, наливает в большую белую кружку кипятка из покореженного чайника, кидает пакетик чая, садится на табуретку у окна, и начинает разговор, миролюбиво размешивая сахар алюминиевой ложечкой.

– Ты, сынок, непутевый какой-то...

На полу рядом с хромированной миской и мусорным ведром сидит огромный белый котик и *снисходительно принимает ласки худого с нелепой бородашкой подростка*.

Мама пробует чай, кривит губы, затем тянется через весь стол к неглубокой кастрюльке, стоящей на подоконнике рядом с каким-то от всех хворей растением.

– ...и к жизни ты совершенно не приспособлен, – заканчивает она свою мысль, исследуя содержимое кастрюльки, вздыхает и достает из груды сухарей покусанный пряник.

Котище машет хвостом. Мама макает этот артефакт в чай и ждет, поглядывая то на сына, то в окно.

– Вон, Верка, соседка, с сумками идет. Всего на два года старше тебя, а уже мать двоих детей. А сколько она абортотделов сделала – весь подъезд не может сосчитать. А у тебя даже подружки нет, – мама строго смотрит на сына, – или ты по другой части?

Подросток морщится.

– Я не гей.

– Ну, хоть чем-то порадовал. Значит пора тебе, Пашка, за юбками бегать. Может, еще бабушкой меня сделаешь, – мечтательно говорит мама, принимаясь за пряник.

Котище бросает вороватый взгляд на маму и злобно урчит. Пашка понимает, что его любимец не в духе, подвигается к столу и, пренебрегая наказаниями мамы мыть руки после этого засранца, сооружает себе бутерброд из неизвестно откуда взявшейся хлебной корочки и колбасной жопки, затем исследует содержимое кружки, и доликает воды из чайника.

– В этом сущность, Матраскиных, – мама хлопает свободной рукой столу. – Что отец твой мог целый месяц один пакетик пользоваться, так и ты. Завари себе настоящего чаю, Паша, и бутерброд себе сделай настоящий.

Котище чуть склонил голову, потопал ножками и нехорошо сощурился.

– И сам стань настоящим, – съехидничал Пашка.

Мама проигнорировала последнюю реплику. Она нарезала колбасу толстыми кругляшками и радовалась.

– Сон мне, сынок, приснился, – продолжает мама с грустинкой, – будто я на свадьбе плясала. А чья свадьба – в толк не могу взять, и так мне грустно стало: пляшу и плачу. А народу много, они пляшут, смеются, все ноги мне обступали. А когда стали кричать «горько», я поближе к жениху с невестой протиснулась. Смотрю, а там кошки женятся.

Пашка неестественно засмеялся.

– Никак Патрыську нашего женила, мама?

– Балабол, – говорит мама, занимаясь устройтельством бутерброда, – я о тебе подумала. У тебя, что, девчонок знакомых мало? Ты, сынок, давай, не стесняйся, приводи их по одной. На прописку пусть не рассчитывают, так и говори, а какая согласится, та и наша.

Сынок удивленно смотрит на мать:

– Что – о—о?

Котище понимает, что настало его время и прыгает на стол. Мама от неожиданности роняет бутерброд, злодей цепляет лапкой колбасу, мама с криком замахивается. Паша понимает, что сейчас мамина суровая длань переломает все косточки Петрыськи. Это случится через мгновение, и уже ничего нельзя будет исправить. И это мгновение растянулось на целую вечность.

Вообще-то Паша никогда не любил животных, никогда не играл с плюшевыми зверушками, «маугли» не читал, даже рыбки его не вставляли ни с пивом, ни с удочкой. Да и сейчас на все меховое у Паши жуткая аллергия: собаку в лифте встретит или соседку в шубе – расплчется как брошенная невеста. А вот Петрыська – другое дело, может потому что любовь, или Петрыська – никакое не животное! Хотя мама говорила, что раз уж такое дело, не зря ж она оприходовала Петрыську. Паша саркастически улыбался, хотя и допускал, что трансцендентность Петрыськина – не без участия внешних сил, а уж кто за ними стоит, ветеринар или прочий де-

миург, не суть.

Петрыська издохнет несколько дней спустя. Поначалу он будет кусаться в своем логове под диваном, злобно урча и сверкая глазами, и будет казаться, что он просто обижен. Паша будет оставлять Петрыське всякие вкусности, громко хвалить Петрыську, катать по полу его любимые мячики до тех пор, пока всякое шевеление под диваном не прекратится. Но и тогда Паша ничего не поймет. Он будет удивленно смотреть на Петрыську, потом прижмет его к себе как ребенка, пропустит занятия, просидит так целый день, надеясь, что произойдет чудо и Петрыська оживет. Но этого не случится и Паша, наконец, поймет. Поймет, что все это глупо. Глупо искать место, где закопать тельце Петрыськи, что просто выбросить на помойку, как советовала мама, глупо вдвойне, что глупо плакать, глупо не плакать, потому что все, что бы ты ни делал – глупо, глупо, глупо!

И эта вечность вконец доконала тебя, и ты совершил поступок, который должен был совершить, чтобы прекратить мучения. Брезгуя и рыдая, с большой ложкой и банкой ты идешь к тому месту, где когда-то закопал Петрыську, и не веря самому себе, принимаешься ворошить прошлое. Что-то насмешливое навсегда въедается в твои раскосые глаза, мертвенное равнодушие обесцвечивает твои виски, но ты копаешь: ложка за ложкой, секунда за секундой, к началу начал. И тогда в пустоте и одиночестве ты вдруг *все* понимаешь, и сложив *это* в банку, с легким сердцем относишь до-

мой – пьешь с мамой чай, слушаешь мамины разговоры и думаешь, что свободен, а истина прячется в банке на антресолях, поглядывая на тебя и мерзопакостно улыбаясь. И ты смотришь на свою маму и медлишь, потому что знаешь, стоит тебе открыть эту банку, как весь мир ополчится против тебя и мама тоже. Ты пьешь чай, слушаешь стук своего сердца и наслаждаешься своей обреченностью, которая всякий раз не длится дольше никогда. А потом ты орешь как сумасшедший во все горло: «Брысь»! Банка – в дребезги, вечность – в клочья, мама – в ярости, а Петрыська, живой и наглый, прыгает в сторону!!! Карающая длань проносится мимо, мама теряет равновесие, хватается за скатерть, и медленно падает, закатывая в ужасе глаза. Все, что может, летит следом. Блям – дринь – дзинь – ти – ди – динь – динь – динь.

– Лешак тебя дал! – кричит мама. – Петрыська, кастрат злосчастный!!!

А тот уже с колбасой в зубах мчится в свое логово. Мама швырнула вслед поруганный бутерброд и беззвучно заплакала, и весь мир тоже. Пашка бросился к маме, но она уже перекатилась на живот и бесповоротно встает на четвереньки, опирается о стол и наконец придает своему телу гордое человеческое положение.

– Сволочи, – шепчет мама, поглядывая на антресоли, и ноздри ее гневно трепещут.

Паша молчит и хлопает ресницами. Ему хочется утешить маму, даже обнять и поцеловать в щечку, но он знает, что

из всех поступков этот самый невозможный. Наконец мама смиренно горбится, вздыхает, рассеянно похлопывает себя по бедрам и пытается улыбнуться.

– Пашка, ну как мы теперь разгребем-то?

Пашка хватается за веник и радуется последней возможности.

– А ведь так все хорошо начиналось, – сокрушается мама, – совсем как у людей, – Ладно, Пашка, иди к себе, наметь тут, а потом Петрыська все лапы изранит.

Пашка прислонил веник к мусорному ведру и пытается поймать мамин взгляд, но она непреклонна. И Пашка, невольно вжав голову в плечи, идет в указанном направлении, думая, что смерть Петрыськи развязала маме руки.

Мама, конечно, никогда не показывала вида, что желала его смерти, но все эти разговоры за чаем неизменно заканчивались ее рассуждениями о роли Петрыськи в жизни Пашки. Да что Пашки, всего мира! Потому что с одной стороны оно, мироздание, а с другой – оно, уравнение, где неизвестной величиной является некая дробь, числителем которой является Пашка, а знаменателем – Петрыська. И уж коли последний издох, демонстрируя свое отсутствие, то первому, хошь – не хошь, придется явить свое полное Присутствие, а если таковое случится в обозримой вечности, то каждому никогда придет пушистый писец.

Открывая дверь в свою комнату, Паша пришел к выводу, что писец – это не эквивалент Петрыськи, а некая всепо-

глощающая абстракция. Периодически она навещает Пашку, но при этом шифруется и стесняется, но если дать ей малейший шанс, Пашка знает наверняка, она безо всяких угрызений совести покусает всякого. В прошлый раз, например, она заявила, когда Пашка находился на дежурстве. Нет, она, конечно, соблюла все приличия, вроде детерминации и каузальности, но опять же постеснялась лично объяснить причины своей неприязни, а действовала исключительно через подставных субъектов, которые весьма схематично оформили претензию и тут же ретировались. А Паша как всегда остался в непонятках и разгребал воцарившуюся сумятицу. Потом позвонила мама и спрашивает, что ей делать с Петрыськой? Он, де, сидит на подоконнике, и ничем его оттуда не сгонишь. Мама даже тряпкой его пробовала, но этот чертов кастрат только шипит как самая змеюка, глазами зыркает, а хвостиком лупит себя по бокам, как какой-то ополоумевший монах.

– Может он заболел? – недоумевает мама, – А может и того хуже? Паша, а делать-то чего? Ну скажи мне, делать-то надо чего? Ведь неспроста все это!

Паша утешает маму как может, а сам думает, что Петрыська все знает, и если бы Петрыська был собакой, он бы бегал по квартире, скулил, вынюхивал чего-то и плакал, потому что собаки умеют плакать, а кошки нет. Нет, наверняка, кошки тоже плачут, но они делают это, когда никто не видит. И сейчас, когда мама разговаривает по телефону, Петрысь-

ка сидит на подоконнике и горько плачет, может потому что ничего другого ему не остается, или потому, что этот писец все-таки умудрился цапнуть его за хвостик.

– Все хорошо, мама, – повторяет Пашка, – ты только не волнуйся.

– Не волнуйся, – дразнится мама, – а что же мне еще делать?

Паша думает, что мама может, например, абстрагироваться, но от этой мысли ему становится не по себе, и он увещевает маму не вмешиваться в происходящее. Мама в сердцах бросает трубку, и Паша вздыхает с облегчением.

В комнате пахло предательством. Петрыська старательно отворачивает мордочку, всем своим пушистым видом демонстрируя непричастность. Паша улыбнулся, потому что этот запах как дым отечества засел у тебя в печенках, а Петрыська чуть ли не самый столп этого отечества застрял у тебя где-то пониже. И ты падаешь на свой старенький диванчик, зная, что через мгновение это случится опять. Петрыська для проформы выждал несколько мгновений, прыгнул Паше на грудь и замурлыкал. Паша, улыбаясь из последних сил, гладит своего любимца, погружаясь во всепрощающую дрему.

Когда это случилось впервые, Паша очень испугался, думая, что его психика обломалась о пубертат, который сопровождался неотъемлемым мальчишником с косяками, пивом и стриптизом. Потом Пашу, конечно, хорошенько прополос-

кало, но увиденное необратимо изменило его. Собственно, и продолжать свое существование было во всех отношениях бессмысленно, но Паша не хотел расстраивать маму, потому что эта мама защищая своего ребенка не пощадит никого. И Паша решил, что не дать маме повода – это самое большое, что он может сделать.

Мама вошла как всегда без стука. Петрыська, бросился со всех лап под диван, а Паша виновато шурился, прикрывая свою инфантильность полосатой подушкой.

– Паша, ну что тут за баррикады ты устроил? – гневно говорит мама, отодвигая диван коленкой.

Паша пожимает плечами, вспоминая, чем закончился этот разговор. Конечно, данное местонахождение дивана в трехмерном пространстве Пашкиной комнаты – не сколько его прихоть, сколько вынужденная мера, но заставить маму взять на себя какие-нибудь обязательства было чертовски сложно, потому что дело касалось женщины, а мама имела на этот счет особое мнение. И пусть с диваном вышло неудобно, но зато безопасно: ведь сколько женщин из интернета могла забраковать мама, потому что она всегда говорила, что, по чесноку, женщиной может считаться только та, чей вес составляет хотя бы половину ее собственного, а Паша был сыном своего времени и любил простые 90—60—90. Но спорить с мамой – себе дороже, к тому же мама, не терпя возражений, слишком уж часто приводила в гости знакомых толстухек, которые в другой ситуации, может быть, и понра-

вились бы Пашке, но в жизни вызывали зевоту.

– А чтобы ты не врывалась без разрешения, – отвечает Паша возмущенно. – И вообще, я скоро замок на дверь поставлю. Кодовый.

– Не поставишь, – усмехается мама, – Со своими мозгами ты свой код на следующий день забудешь.

Пашка не нашелся что ответить и обиженно отвернулся к стенке. Ну, да мама права. Мама всегда права, а эта мама особенно. Ну и что с того, что Пашкины мозги отказываются обрабатывать всякую связанную с числами информацию, в конце концов, запомнил же он номер своей квартиры, и даже сдачу в магазине считает правильно, хотя с номерами телефонов до сих пор бывает промашка. Но тут все дело в ассоциациях, которые у тебя вызывает человек и его цифры. Пятерка, например, у Пашки – синяя и шершавая, а двойка – зеленоватая и пахнет жасмином, а если человек тебе нравится, то неизбежно ты будешь приписывать ему лишние двойки, а если еще этот человек – женщина, то восьмерки. Пашка невольно вспомнил свою училку математики, которая третирила его до тех пор, пока во время дополнительных занятий в порыве отчаянья он не нарисовал какую-то формулу. Училка долго смотрела на эти странные каракули, которые для Пашки были не более чем забавной мелодией с привкусом ананаса и земляники, потом долго смотрела на Пашку, и глаза ее блестели. Пашка тоже смотрел на училку и понимал, что не будь между ними двадцати лет разницы, преуспе-

вающего мужа, двоих детей и уголовной статьи за совращение малолеток, училка бы бросилась к нему на шею. Пашка виновато улыбался, а училка смотрела на него влажными глазами, и не могла понять, почему этот нелепый подросток так много значит в ее жизни, которая явно закончилась, так и не начавшись. Пашка пожал плечами, а училка стала знаменитым ученым, получила международную премию в области математики и переехала с семьей в другой город. Перед отъездом она опять смотрела Пашке в глаза в кабинете директора и даже прижала к груди, когда директор расхваливал ее перед журналистами в актовом зале. А в личном деле Паши появилась запись, что у него редкое когнитивное расстройство психики, которое исключает всякое математическое действие, короче, отныне Паше была заказана карьера инженера.

Мама поняла, что переборщила, присела на диван, помолчала и погладила сына по ноге. Тот брыкнулся и буркнул:

– Уйду я.

Мамина рука дрогнула.

– Остолоп ты, Пашка.

– У меня дежурство, – оправдывается он.

Мама сердито молчит, а Пашка боится подумать, что мама права, что лучше дома, что толстушки – тоже люди, а его худосочные Верки – хуже атомной войны, но где-то есть настоящая Вера, которая, может быть, еще любит Пашку, и если это так, то надо спешить. Мама вздыхает и грузно встает

с дивана, направляясь прочь, и на полпути оборачивается. По ее лицу бегают улыбка, и дрожат стекла на окнах.

– Пашка, я ведь тебя тоже люблю.

– Я знаю, – Пашка смотрит маме в глаза, – вы все меня любите.

– А ты, Пашка, любишь кого-нибудь?

Пашка опускает глаза и позволяет маме выйти.

Петрыська выскочил из-под дивана, прыгнул на подоконник и смотрит с хитрым прищуром на этот город. Город показался ему котенком, облезлым, больным, брошенным, он чего-то хотел от всех и чего-то боялся, но всегда мог выпустить когти и полоснуть по глазам.

Паша надевает джинсы, думает про любовь, и очень не хочет идти на работу. Ему страшно, он даже всерьез подумывает прогулять, но еще он понимает, что даже таким способом не избежать случившегося.

Петрыська смотрит на человечков, которые снуют туда-сюда, потому что хочется счастья, по тому что было счастьем, но оно повсюду, а значит ничье. А если ты женщина, а если ты повсюду, то значит никому не нужна. И зовут тебя Верой, и ты топчешь снег каблучками и несешь свое одиночество как дохлую кошку в полиэтиленовом пакете.

Паша надел свитер и вышел в коридор. Собственно, он подрабатывал санитаром в морге в свободное от учебы время.

Вера проснулась внезапно. На против сидит черный котяра и грустно так смотрит-смотрит, словно прощается. В больших его зеленых глазках блестят звездочки, ушки беспокойно дергаются, да еще хвостик как черный червячок придавленный черным башмаком извивается, плачет, пытается спастись.

Где-то шумит телевизор, тикают часики, тукает сердечко, а во рту еще горький привкус вчерашнего дня.

Котяра прыгает с кровати на пол, вонзает коготки в дорогой красивый ковер, потягивается, зевает и победными шажками направляется на кухню.

Вера перевернулась на живот и скорчила вдогонку рожицу:

– И тебя тоже люблю, Блохастик.

– Верка, вставай, – в комнату вбегает мама, – в институт опоздаешь!

Вера мычит, вздымает голову над подушкой и, провожая большими мутными глазами убегающую из комнаты маму, тянется рукой к тонику, стоящему на прикроватной тумбочке. Улыбаясь как пластиковая Барби, она смывает свидетельства вчерашнего дня и вспоминает свой сон. Может быть, кто-то скажет, что у красивых девушек все сны про любовь, но этот был еще и с поцелуем. Кто поцеловал Веру, она

не помнит, но это и не важно, ведь любовь исходит от Веры, и Вера притягивает любовь! И как, безусловно, повезет тому юноше, который возьмет в жены такую красивую, стройную, нежную, жизнерадостную девушку, а уж если ей снятся поцелуи, то он уже близко!

Вдруг Вера громко выругалась и сморщилась всем своим прекрасным существом: то, что она считала поцелуем, от тоника стало саднить. Вера нырнула под одеяло и судорожно пытается вспомнить всякие позитивные формулы, которые заставляют тебя быть такой, какая ты есть, но они или не о том, или не к тому месту, а те, что по теме – чрезвычайно обидны. И ты выныриваешь, беспомощно барахтаясь в океане отчужденности, пялишься по сторонам, не зная откуда ждать помощи или подлости. Мимо проплывают кверху брюхом твои надежды, радужные перспективы, истекая кровью окрашивают твоё жизненное пространство в съедобный цвет, который так нравится местным хищникам, а еще водовороты отчаянья норовят затянуть тебя на самое дно и навсегда склеить твою двуногую женственность бесполом рыбьим хвостом. И Вера, противясь своей жертвенности, вонзается зубами в подушку, как вампир в шею последнего человека, и рвет ее в клочья, надсмехаясь над судьбой, и собирается прикончить в себе себя, но в последний момент она вспоминает про одинокого танцора, которому так тяжело дается сольная программа. «А может быть, выйти замуж, нарожать детей и быть счастливой? – думает Вера, переворачи-

ваясь на спину, – но почему женское счастье такое убогое?»

– Верка, где мои сигареты? – сердитая мама с кружкой кофе наперевес сдергивает одеяло. – Сколько раз я тебе говорила, чтобы ты не трогала их.

Вера закрывает лицо и лоно руками, собирается заорать на весь дом или закатить истерики на неделю, но в этот момент звонит ее телефон. Вера, бесстыдствуя, хватается за него и прижимает к самому рту, и громко, чтобы заглушить мамины причитания, кричит:

– Слушаю!

Мама смотрит на Веру, восхищаясь ее фигурой и наглостью, свободной рукой хватается за сумочку, валяющуюся на подоконнике, и вытряхивает содержимое на кровать, находит сигареты и в качестве компенсации забирает у Веры еще и несколько пробников в блестящей упаковке.

– Кто это? – раздраженно кричит Вера в трубку, провожая маму темным взглядом.

– Это я, – и многозначительная пауза, – Пойдешь со мной?

Мама хлопает дверью, а Вера задумчиво сбрасывает соединение, вздыхает, смотрит по сторонам, смотрит на свой телефон и мало что понимает. Настроение испорчено окончательно, как, впрочем, и жизнь. Вера вздыхает, заставляет себя подняться и уговаривает себя прожить этот день.

Котяра в черном костюме смертника совершает свою последнюю прогулку, а Вера, спрятавшись в туалете, грустит и читает мамину книгу. Потому что и эта книга, и этот пры-

щик, и этот звонок были из другой жизни, которая прорастая здесь намеками и недомолвками, подменяет собой настоящую и единственно возможную. Несколько раз мама проявляла материнскую заботу, но Вера в ответ издавала неприличные звуки, спускала воду, пшикала освежителем, рвала бумагу, и в этой какофонии предавалась своим мыслям, которые странным образом переплетались с нехитрым бумажным сюжетом. «... и теперь ты сама решаешь исход этой битвы, – читает Вера, – и свою участь. Ты еще надеешься на снисхождение, но каждая клеточка твоего тела взывает к отмщению, и твой судья, прикрываясь твоей челкой, прячет твои глаза, твоей рукой выводит в твоём приговоре твоим почерком „казнить“, а за стенкой палач в черных сапожках и черном лифчике уже занес топор».

Потом Вера забежала в ванную комнату и долго принимала душ, а потом долго стояла голая перед зеркалом. Ей хотелось плакать, но слезы закончились, как и сигареты, и деньги, и самоуважение. Она смотрит на это тело, красивое и чужое, нетронутое мужской лаской, бледное почти русалочье, и пытается увидеть себя, но видит лишь рыбу чешую, которая сверкает. И еще в ушах, а может быть в рыбьем плавательном пузыре, звучал голос человека, который явно ошибся цифрами, но не адресатом:

– Пойдешь со мной?

Он молчит и дышит, и ты судорожно соображаешь, кто это. Сокурсник? Одноклассник? Проходимец? И тоже мол-

чишь, но потом ты понимаешь, что он дышит, а ты нет.

– Верочка, – мама деликатно постучалась в дверь, – завтрак готов. Приходи, милая.

Вера в последний раз посмотрела на себя в зеркало, пытаюсь запомнить себя такой: возвышенной и одухотворенной, облачилась в белый махровый халат, не имея иллюзий, ляпнула себе на губу модное средство от прыщиков и как приведение возникла на кухне.

– Удивительная маска, – мама жует и смотрится в зеркальце, любовно поглаживая себя по лицу, – принеси мне Верочка каталог, я себе еще чего-нибудь закажу. Это японцы или китайцы делают? Плацентарная, наверняка.

– Ага, из не родившихся детей, – мрачно пошутила Вера и плюхнулась на стул.

Мама нахмурилась, но продолжала жевать.

Вера равнодушно лопаёт один бутерброд за другим и ждет маминых комментариев.

– Ой, Верочка, что с тобой случилось? – мама в ужасе смотрит на прыщик.

– Заметила, наконец, поздравляю. Ну, что еще скажешь хорошего?

Мама закуривает последнюю сигарету.

– Да, Верочка, такое случается с девушками. Ты ведь девушка?

– Спасибо, мама, что заметила. А я-то думала, кто же я такая?

– Ну, не переживай. Заведешь себе бойфренда, и все поправится.

– И это родная мать говорит! Может, ты мне еще и на панель посоветуешь пойти, или объявление в газете подать? Вера даст каждому! Забесплатно, мама, или в кредит?

– Вера, не будь вульгарной.

Вера делает несколько глотков кофе. Черный котяра жалобно мяргает около своей миски. Мама отрезает толстый кусок копченой колбасы и швыряет его под стол.

– Вот, черт капризный, не хочет жрать, что нормальные кошки жрут. Вера, купи ему чего-нибудь ему, а то ведь издохнет.

Вера молчит, изучает содержимое пепельницы: хочется курить, но еще больше хочется досадить маме. Вера извлекает из пепельницы самый большой окурочок, тонкими пальчиками оттирает с фильтра остатки пепла и с каменным лицом вкладывает его себе в рот.

– Вера, так нельзя! – мама хлопает ладошкой по столу.

Котяра под столом издает странные звуки.

– Вот именно, – спокойно говорит Вера и чикает зажигалкой.

Мама строго смотрит на Веру. Вера торжествует, хоть и чувствует себя последней дурой, глотает этот невозможно горький дым, сдерживая диафрагмой и анусом приступы рвоты.

Потом Вера сидит в своей комнате и отрешенно переби-

рает раскиданные по кровати сокровища из своей сумочки. Бесконечные помады, пробники, буклеты, визитки, флаеры и вообще неизвестно что. Последний привлек внимание Веры. Собственно, это тот, что прилагался к пробнику, который так понравился маме. Там нарисована русалка. Вера всматривается: что-то знакомое. Высокий лоб, широко расставленные глаза, носик вздернутый, губки бантиком. Да, это же Вера с рыбьим хвостом! Вокруг плавают водоросли, утопленники, башмаки, рыбы, креветки, а посередине висит блестящий огромный рыболовный крючок, искушая бедную русалку. «Велкам» и сегодняшняя дата.

Вера еще сомневается. Она плывет в этом сумрачном мире, едва шевеля плавниками, и этот мир проплывает мимо. Собственно, это даже успокаивает, навеивает возвышенные мысли, вроде этой: «блин, пришла пора метать икру, надо найти укромное местечко и вернуть себя природе миллиардным тиражом». А, может быть, уцепиться за этот крючок и вынырнуть на поверхность, где великое множество искалеченных русалок хромают и мучаются? Просто так, из любопытства, ради острых ощущений! А стоит ли попытка самой пытки? Или надо остаться и до конца времен фильтровать своими жабрами то, что нормальные русалки называют жизнью?

Вера тяжело вздыхает и думает, что хуже уже быть не может.

В дверях ее комнаты стоит мама и странно смотрит на Ве-

ру.

– Я не права, прости меня мама, – начинает оправдываться Вера.

Мама молчит, пожимает плечами и оглядывается.

– Знаешь Верочка, кажется, наш котик умер.

– ???

– Колбаской подавился...

Вера закрыла за мамой дверь и осталась одна в этой большой теперь навсегда враждебной квартире. Потому что Блохастик умер, а вместе с ним и то последнее, что связывало ее с мамой. Впрочем, есть еще билет в «душегубку», а сегодня пятница, значит, будут вызывать духов, и может быть, какой-нибудь не слишком занятой дух подскажет Вере, как жить. И если бы не прыщик, то можно было бы принарядиться и тусануться с какими-нибудь чернокнижниками, обкуриться и отдаться без всяких заморочек. И почему, когда ты страшенькая, так хочется секса? А когда при маникюре и в чистых трусиках, то, что угодно, но только не секс.

Блохастик так и лежал под столом с перекошенной мордочкой в своих экскрементах. Вера смотрела на него и плакала, сама не зная почему, потом достала из навесного шкафа какой-то пакет и долго принаравливалась, как бы пристроить трупик, не коснувшись его руками. В конце концов, Вера взяла скалку из прошлой жизни, когда мама была домохозяйкой и пекла пирожки, подсунула под Блохастика и попыталась было решить проблему, но Блохастик, качнувшись,

брякнулся на пол. Вера вскрикнула и поняла, что Блохастик не шутит, потому что брякнулся на спину. Так и лежит, раскинув во все стороны лапки. Потом Вера снова плакала, потому что обнаружила, что Блохастик – девочка. Выходит, она даже и не знала, кем на самом деле был ее ангел?

Вера вспомнила тот день, когда все это началось. Она получила права! Мама с самого начала предлагала их банально купить, а заодно и какой-нибудь бюджетный автомобильчик, но Вера обижалась и говорила, что она не блондинка и лучше эти деньги потратит на аксессуары. Ну, конечно, самой выучиться вышло намного дороже, но зато Вера обрела необходимые навыки. Мама, порядком истрепавшая нервы за время этой учебы, с облегчением оплатила покупку, посоветовала быть осторожной, и уехала на работу, а Вера терпеливо ждала, когда менеджер принесет ключи и документы. В этот момент к ней подходит какая-то старушенция и заявляет, что Вера совсем не Вера, точнее, не совсем Вера, а значит она умрет совсем не так, как умирают Веры, или не совсем так, что все еще можно исправить, если Вера, а точнее не совсем Вера приютит этого ангела смерти. Вера подумала, что это какая-то цыганщина, а старушенция протягивает котенка и смотрит Вере в глаза, как щука Емеле. Котенок был черный и жалкий, и Вера, сменив гнев на милость, приняла подарок, решив про себя, что кошатницы ничем не лучше уличных разводил. Как и положено, Вера попыталась отблагодарить старушенцию монеткой, но та, спряталась за подо-

шедшего менеджера, смотрела мимо Веры, кивала кому-то за ее спиной и бормотала что-то про реки крови и слезы гнева, а потом ее выдворили из салона подоспевшие охранники. Так Вера стала обладателем красного «ягуара» и черного с хвостиком ангела смерти, который умер сегодня утром и оказался противоположного пола.

Вера вздохнула и собственноручно сложила в пакет то, что казалось мертвым Блохастиком, убрала каки, помыла посуду, оделась и вышла на улицу.

– Вот и получается, уважаемая Малюта Андреевна, – говорит главврач, улыбаясь и поглаживая свою лысинку, – снизить дозировочку, как бы я ни желал вам-с угодить, невозможно-с! Таковы, сударыня, правила. Но не стоит отчаиваться. Я, с вашего позволения, не первый год состою на службе, и мой опыт может быть весьма полезен. Да, Малюта Андреевна, правила правилами, но никогда нельзя исключать вероятность, что у препарата, прописанного нашему общему другу, именно вчера закончится срок годности, а новая партия поступит только завтра. Вот для таких исключительных случаев есть предписание министерства здравоохранения, – главврач надел очки и стал рыться в разбросанных на столе бумагах, – за номером... брым – брым – брым... от числа, ну это тоже вам не интересно, обязывающее лечащего врача, то есть меня, с вашего позволения, назначить препарат аналогичного действия! Что собственно я и сделал. Вот, пожалуйста, прочтите сами. Итак, сладчайшая Малюта Андреевна, нам осталось только оформить финансовую сторону вопроса.

Вера равнодушно расписалась в каких-то ведомостях, договорах, франшизах, подрядах, вписала нужные цифры в соответствующих графах и довольно грубо кинула на стол конверт. Главврач, сконфуженно улыбаясь, тотчас прикрыл его

амбулаторной картой.

– Значит, по документам, несравненная Малюта Андреевна, проходит, что назначенный мною препарат вызвал у больного анафилактический шок с последующими бронхоспазмами... брым – брым – брым, это мы пропустим, и в течение последующих четырех часов больной находился в реанимации. Вам ведь хватит четырех часов?

– Ну, за такие деньги, больной мог бы всю ночь умирать, – сухо сказала Вера.

– Ну, только из уважения к вам, Малюта Андреевна, записываю, «больной находился в реанимации шесть часов». Так что, дорогуша, – главврач одарил Веру страшным гипнотическим взглядом, – наш больной как золушка должен вернуться до полуночи!

Вера засмеялась.

– А вы с чувством юмора!

– Приходится, Малюта Андреевна, – главврач опять принял добродушный вид, – ведь что отличает психиатра от психа? Только чувство юмора! М-да, чувство юмора и ключи в кармане. Вот, пожалуйста, тетрабочка больного, стишок какой ему читать выбирайте сами, он прочитает, не сомневайтесь, даже вопросы задавайте, но, дрожайшая Малюта Андреевна, категорически запрещается давать ему в руки любые колюще-режущие предметы. Даже карандаш!

Вера равнодушно кивнула, вальяжно развалилась в стареньком дерматиновом креслице и закурила. Главврач

скользнул ласковым взглядом по коленкам Веры и предупредительно поставил перед ней блюдечко, с нарисованными земляничками. Вера усмехнулась и, поминутно сбрасывая пепел на ягодки, стала ждать.

Вскоре два дюжих санитаров привели щуплого старичка. Тот покорно опустился на деревянную скамейку и замер. Вера скинула окурочек в грудку убитого времени и вдруг ощутила в своем женском теле странный трепет.

– А вот и Кириллапетрович, – сказал главврач, жизнерадостно улыбаясь. – Здравствуйте, дорогой наш человек, как вы себя чувствуете?

– Спасибо, доктор, – говорит тот приятным голосом и скользит по Вере растерянным взглядом.

Веру передернуло. Она стремительно выбросила руку к своим каштановым локонам, но, скорее, чтобы защитить себя от этих добрых голубых глаз, нежели произвести должное впечатление на собравшихся в этой комнате мужчин.

Так уж получилось, но мужчины Веру не интересовали. Когда умер ее папа, Вере было двенадцать лет, и сумятица, вызванная в городе выходкой ее родителя, а также сами похороны произвели на Веру неизгладимое впечатление. Нет, Вера не стала фригидной, она просто поняла, что в некотором роде никакая она не женщина и никогда, как бы она не пыталась, не станет таковой. Однако через несколько месяцев она влюбилась в какого-то мальчика, через год поцеловалась с каким-то юношей, а на свое совершеннолетие поз-

волила себе то, чего порядочная девушка не позволяет себе с какими-то мужчинами. А когда Вера заканчивала институт, она уже была умудренной в вопросах секса дамой и матерью двоих детей. Еще она была здравомыслящим человеком, и когда ее муж завел очередную любовницу, поняла, что этот брак исчерпал себя. И Вера ушла. Села в свою красную машину, посадила детей на заднее сидение, позвонила маме и сказала, что едет.

Мама кормила девочек сладостями, расстраивалась и долго убеждала Веру, что счастье – в детях, а свобода и эмансипация – чужь. Без мужчины любая женщина лишается своей сущности, то бишь женственности. Верке повезло, что у нее был отец, а если бы мама в свое время поступила так, как хотела, а не послушалась свою маму, Веркину бабушку, то Верка была бы сейчас или на панели, или на заводе какой-нибудь мотальщицей, потому что только благодаря ее отцу она состоялась как личность.

Вера пила кофе и понимала, что мама права, что отец нужен ее детям, что быть образцовой женой не так уж и сложно, что с помощью секса Вера вернет заблудшего мужа в лоно семьи. Мама говорила, что ее астролог все просчитал, и что Вере ничего не надо делать, только отвезти их с девочками домой, а судьба все сделает сама. И вообще, когда тебе за шестьдесят, с жизнью тебя связывает только родственники, что когда-нибудь Верка ее поймет и будет очень благодарна, как сейчас мама благодарна своей маме, Веркиной ба-

бушке.

И Вера согласилась. Она ехала обратно и думала, что все в ее жизни было, и если за этим поворотом стоит смерть, то не страшно. Страшно, если там стоит любовь, а ты как дура на красной машине промчишься мимо...

Кириллапетрович смущенно отвел взгляд.

– Да, Малюта Андреевна, – главврач вытер мягкой ладошкой заблестевшую лысинку, – Вот вам шприц. Держите его всегда при себе. Это ваша страховка. Если Кириллапетрович перейдет границы дозволенного, сделайте ему укольчик. Но я уверен, что все будет хорошо. Да, Кириллапетрович? Укольчик не понадобится?

Старичок побледнел и отрицательно замотал головой.

– Вот видите, Кириллапетрович обещает вести себя хорошо.

Потом насупленные санитары сопроводили Веру с ее подопечным до «хамера». Вера подумала, что эти двое, наверняка, мастера всевозможных боевых искусств, но их животный страх по отношению к этому старикашке в больничной телогрейке и рванных тапочках на босу ногу вызывал, по меньшей мере, недоумение. Вера жестом указала куда засунуть Кириллапетровича и по вскинутым косматым бровям санитаров поняла, что они посчитали ее излишне самоуверенной. Вера снисходительно закурила и с пробуксовкой рванула с места, обдав провожатых снежной кашей и высокооктановым выхлопом. Вера курила на КПП, махая пропуском пе-

ред вооруженными охранниками, курила, покидая эту с виду больницу, а по сути – неприступную крепость, курила, подвезжая к городу, курила, пропуская по главной лохов на лохомобилях. А псих на заднем сидении вдруг начинает размахивать руками и декламировать.

– Ехала мадам, по чужим делам, и везла мадам черным господам спам – спам – спам!

– Вау, импровизация! – ухмыльнулась Вера. – Неплохо. Давай еще, – и выбросила окурочек в окно.

Кириллапетрович испуганно уставился на этот окурочек, обнял себя покрепче и молчок, а Вера никак не может найти щелку в потоке машин. Наконец она в наглую выбросила полкорпуса своего «хаммера» на главную, и в образовавшейся суматохе заняла свое место.

До кафе оставалось минут пятнадцать с учетом пробок езды, а до начала мероприятия – полчаса. Так что, случись что, можно преспокойно доковылять на своих кривых, да еще и душ принять. Но надо рассадить гостей, прокурорских ублажить, опять же, если они без жен, а так оно, скорее всего, и будет, значит, и девочек заказать, и апартаменты, и охрану, и все остальное. Так что времени в обрез.

Вера вздохнула и в зеркало заднего вида посмотрела на психа. Почему-то с такого ракурса он показался ей другим. Может быть, иллюминация или ксенон создали странную иллюзию, но Вера увидела у себя за спиной, как бы это поделикатнее сказать, не приведение, конечно, но какого-то

определенно неместного мужика. В смысле, какого – то нечеловеческого!

Кириллаперович перехватил этот взгляд, и Вера, погружаясь в свою прошлую жизнь, поняла, почему этого старикашку так боялись санитары.

Она смотрит сверху вниз на этот город, который никогда при жизни не любила, да и названия не знает, просто ехала транзитом на своей красной машине с детьми и мамой.

Секундой раньше эта красная машина врезалась в бетонную эстакаду. Веру вышвырнуло через лобовое стекло, и, по странному стечению обстоятельств, она, пролетев несколько десятков метров, совершенно не пострадала. Встала, отряхнулась, поправила прическу и закурила. Бледная, прекрасная стоит и смотрит, как подъезжают машины с мигалками, люди в странных одеждах большими ножницами разрезают груды красного металла, извлекают тела ее близких, складывают в сторонке и чем-то белым накрывают, а это белое становится красным. Потом Вера садится на снег, который только что выпал, которого, можно сказать, и нет совсем, так, одно недоразумение, но именно оно и убило ее, Веру. И ничего нельзя изменить. Вера поднимает голову и смотрит вверх. Снег падает: белый, нежный, безразличный. Вера улыбается...

Кириллапетрович кричит, и Вера, в последний момент вывернув руль, влетает боочиной в сугроб. Мимо, страшно сигналиая, проносится какой-то невероятных размеров грузо-

вик.

Вера судорожно сжимает руль и смотрит в зеркало заднего вида на Кириллапетровича. Тот вновь принял беззаботный вид и чего-то бормочет себе под нос. «И совсем он не похож на маньяка, – размышляет Вера, – Скорее на выжившего из ума учителя ботаники».

Кириллапетрович согласно кивает.

– И как ты докатился до жизни такой?! – в истерике бьется Вера.

Кириллапетрович в ужасе закрывает уши тонкими ручками, дрожит, беспорядочно шарит глазами, натывается на свое отражение, зачарованно смотрит, морщит лоб, как будто что-то припоминая, а вопль мертвой женщины колыхает его седые волосенки.

Кажется, он заболел. И от лекарств, и от врачей не было никакого толка: заслуженный педагог угасал на глазах жены, коллег и соседей. Они жалели Кириллапетровича, человека во всех отношениях положительного: ни слова грубого тебе не скажет, всегда в долг даст и, будучи старшим по подъезду, собственноручно поздравляет пенсионеров с юбилеем, – жалели, делились рецептами и советами. И чего только в угоду доброжелателям Кириллапетрович не вытворял с собой: и холодной водой обливался, и пчелами, пиявками лечился, и к знахарям ездил, и свечи святым ставил, – все было напрасно.

Вера, наконец, прооралась, трясущимися руками вытира-

ет рот, размазывая помаду, слюни и слезы по всему лицу, трогательно, всем телом тянется к пачке сигарет, как младенец к сиське, долго не может чиркнуть зажигалкой, блаженно затягивается этим невозможно горьким, как и ее судьба дымом, и пристально смотрит в зеркало заднего вида на Кириллапетровича. Тот как медуза Горгона сражен собственным отражением, и Вера наблюдает странную картину.

Кириллапетрович пьет чай с какой-то приятного вида пожилой женщиной, затем целует ее, идет по длинному темному коридору и закрывается в ванной комнате. Медленно раздевается, по-стариковски раскачиваясь и стесняясь своей наготы, аккуратно складывает одежду на крышку корзины для грязного белья, стоящую в том углу, где обычно стоит стиральная машина, открывает зеркальную дверку висящего над треснутой раковиной ящичка, протискивается сложенной в лодочку ладошкой между шампунями, мылами, пемзой и зубными щетками в самый дальний угол, долго шелудит пальчиками и трепетно извлекает старенький бритвенный прибор. Закрывает дверку, радостно улыбаясь самому себе, высвобождает ржавенькое лезвие и ложится в наполненную до краев ванну. Вскоре вода становится розовой.

«И простым приспособленьем я свою раскрою сущность, – слышит Вера странные слова, – и прольются реки крови, слезы иссушая гнева. Никогда случится вскоре, всеу навсегда погрязнув, если только воин света, тьму собою поразивши, вдовий бунт не усмирит».

Вера отводит взгляд и понимает, что Кириллапетрович тоже мертв. «Паломничество мертвых какое-то», – невесело думает Вера, пытаясь завести свой «хаммер», а Кириллапетрович куда-то проваливается и видит перед собой благообразного старичка в странных белых одеждах и желтым кругом над головой.

– Здравствуйте, дедушка, – на всякий случай шепотом говорит Кириллапетрович.

– Здравствуй, кретин, – зло говорит старичок и пребольно стучает его по лбу огромным золотым ключом.

Кириллапетрович плачет от обиды, а старичок гневно расхаживает по облаку, рассыпая звонкие проклятья.

– Да, Кириллка, так просто ты не отделаешься, – старичок наконец остановился и нехорошо сощурился, – провалил операцию и, думаешь, с рук тебе сойдет? Шиш! – и сует ему под нос фигуру из пальцев.

Кириллапетрович виновато улыбается, теперь уже доподлинно зная, что на самом деле он воин света, а биография и человечность – только прикрытие. Но вот какую такую операцию он провалил – хоть убейте, не вспомнить.

– Ничего я не думаю, – раскатистым баском говорит Кириллапетрович, – пусть генералы думают, а мне нужны инструкции.

– Чего? – старичок приспустил фигуру, – какие такие инструкции?

– А такие, согласно новым данным.

– Ты, Кириллка, не юродствуй, говори толком, чего натворил?

– А вы, батюшка, сами взгляните и все поймете.

Старичок сурово взглянул на Кириллапетровича и исчез. Спустя мгновение он появился расстроенный и обеспокоенный.

– Ишь ты, жмурики пронюхали. Ладно, Кириллка, ступай с миром, будут тебе инструкции. Только гляди у меня, провалишь на этот раз операцию, вот этой рукой вычеркну тебя из книги жизни.

Вера вышла из «хаммера» и огляделась. Дорога, по которой они только что ехали, была, почему-то, пуста, так что добраться на попутке не было и речи, вызвать подмогу – телефон, почему-то, не работает, так что придется добираться самим. Вера в сомнениях топчется на месте, не зная в какую сторону сделать первый шаг. Ну хоть бы кто-нибудь подсказал! Вера оглядывается: мимо идет фичный чел.

– Молодой человек, – кричит Вера, – одну секунду.

Чел удивленно смотрит на запыхавшуюся Веру.

– Какое счастье, что я вас встретила! Понимаете, мы заблудились. Не подскажите, как нам добраться до «душегубки»?

Чел оглядывает Веру с ног до головы.

– Покажете нам путь! – умоляет Вера, – я заплачу.

Чел пожал плечами.

– Не надо, мне как раз в ту сторону.

Вера бросается к «хаммеру», резко открывает заднюю дверь и за шкирку вытаскивает Кириллапетровича, хватая свою сумочку и понимает, что в происходящем есть какой-то подвох. А Кириллапетрович уже пялится в тонированные стекла «хаммера», расставляя последние точки в своей судьбе.

Старичок в странных белых одеждах и желтым кругом на голове пребольно пнул под зад Кириллапетровича и тот благополучно вернулся в свое тело, над которым уже трудилась бригада медиков. Однако скрыть случай суицида было уже невозможно, и Кириллапетрович пролежал полгода в психиатрической больнице, где имел неосторожность рассказать человеку в белом халате о своем происхождении и заслугах перед человечеством. Человек внимательно слушал и просил рассказать поподробнее об операции, в которой предстоит участвовать Кириллапетровичу. Но Кириллапетрович разводил руками и говорил, что инструкций до сих пор не получал, а значит операция откладывается.

Потом Кириллапетровича изучали: взвешивали, измеряли, втыкали шприцы с толстыми иглами в разные части тела, просвечивали рентгеном, обследовали томографом, подключали датчики к его голове, показывали глупые картинки и заставляли отвечать на глупые вопросы. Кириллапетрович мужественно держался, а потом, улучив момент, просто сбежал из этой больницы.

Радостный он торопился домой, вдыхая ночной аромат

города и поминутно оглядываясь. Погони, как ни странно, не было. Кириллапетрович уже подходил к своему подъезду и тут получил свою первую инструкцию. В ней говорилось, что ему надлежит сдаться. Кириллапетрович в недоумении остановился перед своей почему-то полураскрытой дверью квартиры. Как воину ему следовало немедленно выполнять приказ, но как мужу ему хотелось повидаться со своей женой. Кириллапетрович подумал, что одно другому не мешает и толкнул дверь.

В квартире, наполненной родными запахами, пахло чем-то еще. Кириллапетрович навсегда запомнил этот запах – запах крови. В зале на полу перед смеющимся телевизором лежала его жена, а из ее груди торчал кухонный нож. Кириллапетрович все понял. Он сел на диван и стал смотреть любимую юмористическую передачу своей теперь уже мертвой жены. Он ждал и вспоминал их совместно прожитую жизнь...

Вера схватила Кириллапетровича за руку и что есть мочи поспешает за своим проводником. Кириллапетрович безвольно плетется следом, запинаясь о свое безвыходное положение. Ему, воину света, надлежит в очередной раз спасти вселенную, но и он чувствует какой-то подвох. А чел идет одним ему известным путем. Прыгая с кочки на кочку, преодолел пустырь, свернул во дворы, шмыгнул в какой-то подъезд, оказавшийся сквозным, пробежался по гаражам, отодвинул нужную доску в заборе, прошелся по тру-

бе, перепрыгнул через лужу, нырнул в подворотню и указывает на щель между высотками. У Веры после этой полосы препятствий блестят глаза. Она оглядывается на Кириллапетровича и удовлетворенно замечает, что и он запыхался, значит, замерзнуть не успел. Вера готовит благодарственную речь, предполагая, что чел денег так и не возьмет, и устремив взгляд в указанном направлении, видит знакомый силуэт и милую сердцу надпись: «никогда». Она долго соображает, как такое возможно, а Кириллапетрович уже все понял и смотрит на чела во все свои бездонные глаза. Тот молча ждет, что предпримет Кириллапетрович. Кириллапетрович отводит взгляд, и вдруг вспоминает в чем суть его операции. Да именно ради этого чела воинство света послало его сюда и сейчас случится то, что должно случиться.

Вера в ужасе зажимает рот ладошкой, наблюдая как хилый старикашка превращается в какое-то запредельное существо, набирая в свои безразмерные легкие весь воздух этого мира, готовясь произнести имя этого чела.

Вера вспоминает свою маму и своих дочек и понимает, что если это случится, то их смерть и жизнь окажется бессмысленной. Вера смотрит на этого чела и понимает почему он так удивился, встретив Веру в этом месте. И Вера бросается со всей своей неженской нежностью на того, кто секунду назад был Кириллапетровичем, хватает его за горло, зажимает ему рот, целует и плачет, умоляя и приказывая не делать этого.

Падая, Кириллапетрович смотрит в глаза чела и понимает, что Вера права, что кругом заговор и предательство.

Паша надел бушлат и вышел на улицу.

Вообще-то Паша доволен своей работой. Потому что иначе поступить в мединститут не было никакой возможности. Целый год он мыл институтскую прозекторскую ради личного знакомства с деканом. Конечно, были некоторые сложности, но Паша относился к работе ответственно, а декан был председателем приемной комиссии и считал, что лишний мужик в медицине только на пользу здравоохранению.

Паша посмотрел по сторонам и подумал, что хорошо бы сейчас встретить красивую девушку. Потому что всегда так бывает: встретишь красивую, дежурство пройдет спокойно, встретишь страшилку – случится какой-нибудь теракт, и всю ночь будешь таскать трупы. А еще неплохо бы познакомиться с этой красивой девушкой, жениться на ней, чтобы мама наконец угомонилась.

Впрочем, умудренный жизнью патологоанатом рассказывал по этому поводу поучительные истории. Знакомишься ты, например, с красивой девушкой, назначаешь свидание, моешься, бреешься, покупаешь цветы, а она, эта девушка, не приходит. Ты расстроенный идешь на работу, а она, эта девушка, уже ждет тебя, голая, с биркой на пальце, в холодильнике. Ты разрезаешь ее и понимаешь, что, еще легко отделался, а мог бы отхватить гонорею, или чего похуже. И на-

строение поднимается!

Паша вздрогнул: навстречу идет красивая девушка с полиэтиленовым пакетом. Конечно, половина ее лица скрыта шарфом, но фигура, взгляд и походка выдавали в ней статью и либидо.

Девушка подходит к мусорным бакам и выбрасывает свой пакет. Оглядывается, замечает Пашу и уверенно направляется к нему.

– Я Вера, – говорит она сквозь шарф.

Паша смущается. Он понимает, что надо бы назвать себя, но как назло собственное имя вылетело у него из головы. Он смотрит в глаза девушки, и они ему очень нравятся. Еще он понимает, что где-то под ними прячутся груди, живот и оно, то самое, ради чего этот сыр-бор, что приличная девушка прячет и в то же время каким-то образом умудряется открыть всему миру.

Девушка настороженно смотрит, ожидая хамства или сарказма.

– Смешной ты, – вздыхает она, – а у меня кошка сдохла.

Паша невольно вздохнул.

– А у меня кот.

– Тоже сдохнет, – уверенно говорит девушка. – Все мы сдохнем. Смерть никого не пощадит.

Паша удивился. Конечно, работая в морге, он догадывался, что Смерть и мертвые люди каким-то образом связаны, но все же он полагал, что по каким-то причинам эти люди

предпочитают мертвое состояние, вынуждая Смерть лишать их жизни.

– И что делать? – интересуется Паша.

Девушка пожимает плечиками и бесцеремонно рассматривает Пашу. Потом она говорит, что у нее есть билет в «душегубку», что сегодня пятница, а значит можно пообщаться с покойниками. Может быть, если очень-очень их попросить, они и откроют секрет? В конце концов, должно человечество когда-нибудь победить смерть!

Паша нахмурился. Смерть, точнее товарищ Смерть, этот вежливый дядечка, который забегает к Паше на огонек, болтает о пустяках за чашкой сладкого чая, самый преданный друг человечества. А тут, выходит, человечество мечтает лишить его полномочий!

Девушка сникла.

– Ну тогда просто поболтать с покойниками, – просит она, – о всякой чепухе. С них не убудет, а нам надежда.

Паша в растерянности, а девушка снимает шарф и указывает на прыщик над верхней губой.

– Правда, ужасно? Я даже замазывать его не стала. Зачем? Не испугать же покойников этим? А вас, молодой человек?

Паша улыбается и отрицательно качает головой.

– Тогда я приглашаю вас на свидание, – торжественно говорит девушка.

– Только мне нужно переодеться, – говорит Паша, – заодно и с мамой познакомитесь...

...Мама даже слышать не захотела о пяти минутах на переодевание, а закрыла дверь на ключ и затеяла стряпню. Послала Пашу в темную комнату, где хранились соленья, заставила собирать на стол, что-то прокручивать на мясорубке, и сама того не зная, влюбила в него Веру, которая считала, что уважительное отношение к матери – показатель зрелости мужчины. Конечно, она, эта Вера могла быть и в груди побольше и в бедрах пошире, но бог даст, разродится и обретет нормальные формы. Впрочем, пока молодые поживут в Пашкиной комнате, мама сама займется здоровьем этой Веры, потому что выносить худышке нормального ребенка это как в лотерею выиграть миллион: не исключено, но практически невозможно.

Наконец Паша выполнил все мамины поручения и присел на диван. Вера сидит е рядом и разглядывает Петрыську, который старательно игнорирует ее.

– Никогда не любила кастрированных кошек, – в отместку говорит Вера, – огромные и слишком умные. Мой Блохастик был маленький, глупенький, но такой милый. А мама у тебя классная.

– Мама все классные, – примирительно говорит Паша.

– Не, не все. Из меня, например, выйдет отвратительная мать. Собственно, меня бы тоже следовало стерилизовать, чтобы не доводить до греха.

Петрыська довольно машет хвостиком.

– А из тебя выйдет хороший отец, – продолжает Вера, –

Что, девушки за тобой табунами бегают?

– А что мне ответить, чтобы произвести на вас впечатление?

– «На нас»? – Вера наигранно удивилась и раздвинула ноги, – С тобой все понятно, ты – девственник. Что ж, я впечатлена.

Паша смущенно заерзал на диване, зачем-то стал прокручивать в памяти свою первую встречу с товарищем Смерть.

Это было рядовое дежурство. В прозекторской стояла каталка, а на ней лежала Вера. Паша ее сразу узнал, хотя Вера была другой. Высокий лоб, бледные волосики, плечи атлетические, валяющиеся груди, рыхлый с растяжками живот, точеные бедра, коленки со шрамами, длинные руки, тонкие запястья, и гнетущее безразличие всего этого. И еще удивление, и дешевые духи санитарки, что привезла эту Веру из соседнего блока и сейчас пьет чай с лежалым пряничком. «Не поверишь, Паша, я сама не поверила, когда мне рассказали. Бывает же такое, просто жуть и насмешка! Хрум – хрум. Страшная авария. Хрум, бульк. Вчера, напротив дома ученых. Можно еще сахарку? Ой, спасибо, голубчик, дай бог тебе жену хорошую найти. Да, там еще церковь стоит, и елда какая-то бетонная стоит. Так вот в эту елду и врезалась ино-марка. Не здешняя. Хрум – хрум – хрум, бульк – бульк. Вкусно. А больше нет пряничка? Ну, на нет и суда нет. Так вот, машина в лепешку, пассажиры – в фарш, а этой, – санитарка пренебрежительно кивнула в сторону трупа, – сам видишь,

хоть бы что. Ни синяка, ни царапинки. Вылетела как пробка из бутылки, поднялась, отряхнулась, оглянулась и давай курить. Спасатели приехали, курит зараза, скорая – курит. Бульк – бульк. Курит себе и смотрит. А оказалось, что в машине ее дети и мать остались. И она, значит, курит и смотрит как их сердечных из машины по кускам извлекают. Чашечку, Паша, не забудь помыть. Ну, я пошла. Ой, самое главное не рассказала. А когда милиционеры подошли к ней показания снимать, она смотрит мимо них и не дышит! Умерла значит от горя. Бывает же такое в жизни! Ну, ее на всякий случай в реанимацию отвезли, но какая уж тут реанимация, сам понимаешь. Так что режь, Паша, ищи причину смерти, а заключение сам занесешь, мне не досуг по вашим коридорам мотаться». Паша пожал плечами и подумал, что глупо вспарывать человеку живот только потому, что он не дышит. Потом он, кажется, тоже пил чай и слушал какую-то музыку. Собственно, это и была Вера. Потом Паше не понравился какой-то фрагмент, и он каким-то образом изменил его. Снова прослушал мелодию жизни этой Веры и удовлетворенный вернулся в прозекторскую. Вера сидела на каталке и ошалело пялилась по сторонам...

Веселая и раскрасневшаяся прибежала мама и, спросила Веру, любит ли она пирожки с печенюю или ей капустных подавай? Вера сказала, что она девушка непривередливая, тем более, если это касается домашней еды. Мама многозначительно посмотрела на Пашу, а потом заставила его идти

мыть руки. Вера увязалась следом.

В маленькой ванной Вера задела Пашу своей грудью, посмотрела на свой прыщик, помочила кончики пальцев и выбежала, не имея иллюзий относительно чистоты висящих полотенец. Паша остался один и неспешно, как после дежурства по самые лопатки мылил руки, предаваясь раздумьям и отсутствуя в этой реальности.

А в другой он уже звонит декану и говорит, что к нему по ошибке привезли живого человека, а может быть не по ошибке, а вследствие злого умысла, и Паша не знает, как ему поступить, зарегистрировать ли привезенного как труп или как врачебную ошибку.

Декан прибежал немедленно. Он осмотрел Веру, пощупал пульс, осветил фонариком в глаза, еще раз прочитал заключение о смерти, подумал, что коллега не мог так ошибиться, если это только не диверсия накануне перевыборов с целью компрометировать декана в качестве проректора, и твердо сказал, что, очевидно, это тот редкий случай, когда медицина оказалась бессильна.

– Где я? – спрашивает Вера. – Кто вы такие?

– Позвольте представиться, – декан галантно поклонился, – Скуратов Иван Федорович, врач высшей категории.

Вера смотрит на Пашу, который прячется в тени декана, который торопливо открывает несгораемый шкаф и достает оттуда красивый пакет с черным бантиком. Вера начинает понимать, что происходящее выходит за рамки, а декан

уже рвет этот бантик и вынимает из пакета красивый однократный костюм для мертвых леди, который сегодня утром в целях саморекламы занес ему какой-то представитель какой-то похоронной организации. Вера покорно позволяет себя одеть и поставить на ноги. Ее шатает, декан обхватил ее за талию, и строго посмотрел на Пашу. Паша молча сказал, что ничего не знает, что сегодня его вообще не было, а если он и был, то дома с мамой и Петрыськой. Потом декан вывел Веру со служебного хода, предварительно разорвав на мелкие кусочки заключение о ее смерти. Потом Паша стоял около окна, слушая разговор декана с охранником, который недоверчиво косился на эту странную посетительницу в мужских шлепанцах, у которой к тому же не было пропуска. Декан уверял, что это его дальняя родственница, что разовый пропуск она куда-то задевала, и, в конце концов, он же не человеческие органы вывозит, и не труп целиком, чтобы так буквально относиться к отсутствию какой-то бумажки. Охранник ворчал, открывая ворота, кто вас, франкенштейнов, знает, накачаете мертвяка какой-нибудь гадостью, а потом в городе маньяк появляется...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.